

Русская литература

Ä

Евгений Витковский считал максимальным сроком эмиграции десять лет. Мысль свою он приписал герою романа Марка Алданова *Девятое Термидора*. Георгий Иванов прожил в эмиграции тридцать шесть лет. То, что пароход «Карбо II», на котором он осенью 1922 года приплыл из Петербурга в Германию, на обратном рейсе попал в бурю и утонул, стало для него знаком необратимости. Как считала Цветаева, всякий поэт по существу эмигрант, даже в России. Эмигрант Царства Небесного и земного рая природы (...). Эмигрант из Бессмертья в время, невозвращенец в своё небо¹.

Вернуться в «своё небо» для Георгия Иванова оказалось невозможным. Алексей Пурин заметил, что Георгий Иванов – поэт эмиграции как формы существования, как бытия, она имманентна жизни². С эмиграцией связан резкий и глубокий перелом: здесь поэт обрел новый голос. Перед искушённой и недоброжелательной читающей русскоязычной эмиграцией предстал совсем другой Георгий Иванов. Не став эмигрантом по сути, эмигрантским поэтом, автор *Распада атома* в зрелой лирике превратился в поэта эмиграции, пишущего об эмиграции и с эмигрантской точки зрения. Эмиграция стала для Иванова тем катализатором, который обострил восприятие мира, сделал его чутким к переменам, пошатнул былую систему ценностей. Однако существовала причина и субъективная – характерная особенность творческой индивидуальности, когда трагедия судьбы удвоилась трагедией духа. Георгий Иванов – поэт русской эмиграции, ностальгически думающий и пишущий о России. Ирреальный топос бывшего Петербурга, Царского Села, Петергофа, обретающий черты «потерянного рая», оказался несовместим с топосом европейского мира, прекрасного, но душного и пустого для лирического «я». Это «я» ощущает себя на стыке двух миров, на границе жизни и смерти. Таким же «потерянным раем» становится и мир европейской культуры прошлого, рушащийся на глазах. В 1937 году Георгий Иванов уже ощущает себя «над бездной», на пороге отчаяния. *Распад атома* зафиксировал это состояние души. Понадобится несколько лет (если верить самому поэту – семь: с 1936 по 1943 год), чтобы он научился жить с отчаянием и писать при этом стихи³. Тексты этих лет запечатлевают экзистенциальная ситуация прощания с земной жизнью⁴, с «полужизнью» в эмиграции, как назовёт её сам поэт. Георгий Иванов ощущал себя перед неизбежной чертой, границей, пропастью, за которой нет никакого утешения вымышленной красотой⁵. Он тоньше и глубже иных чувствовал трагизм и безнадежность человеческого существования вдали от своей земли. В его видении мира появилось что-то общее многим, знакомое и понятное. Это чувство метафизического одиночества личности, которая, независимо от её стремлений, сделалась свободной в мире, не считающимся с запросами или побуждениями этой личности. У автора *Распада атома* прошлое стало

² А. Пурин: *Превращение бабочки. О русской поэзии XX века..* http://www.newkamera.de/ostihah/purin_o_05.html.

⁴ В. Знаменская, *Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий*. Москва 2002, с. 260.

⁵ Г. Иванов, *Распад атома*. В: *Собрание сочинений в 3-х томах*. Том 2. Москва 1994, с. 14.